

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Бабанов Алексей Вячеславович

**ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА
ШЕСТОВА**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук

Специальность – 09.00.05 – этика

Москва - 2016

Работа выполнена в секторе этики

Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук

Научный руководитель:

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН **Зубец Ольга Прокофьевна.**

Официальные оппоненты:

Доктор философских наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова **Гельфонд Мария Львовна.**

Кандидат философских наук, помощник ректора ФГБОУ ВО Российский Государственный Гуманитарный Университет **Хохлов Антон Михайлович.**

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «21»_февраля 2017 г. в 15:00_, на заседании

Диссертационного совета Д.002.015.01 при Институте философии РАН по адресу: Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Зал заседаний Ученого совета (к. 313)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН (http://iphras.ru/babanov_diss.htm)

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета,

кандидат философских наук

Николаичев Б. О.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Исследование представляет собой попытку реконструкции основного содержания этической проблематики философии Шестова. Было бы слишком категорично утверждать, что противоречивая, наполненная страстью, волнующая и тревожащая мысль Шестова является исключительно этикой, однако, принятый им способ мыслить в пределах ценностной оппозиции «или-или» («разум» или «вера», «Афины» или «Иерусалим»), очевидность исходной для философии Шестова цели преодолеть зло, понять невинное страдание, а также тот факт, что вера получает в трудах второго периода творчества Шестова смысл возможности искоренять из мира зло, – все это говорит об этическом характере его философии. Основное содержание этической мысли Шестова выявляется, в первую очередь, на основании чтения и анализа текстов второй половины его творчества (с 1911 года): ведь именно во второй, собственно философский период творчества мыслителя окончательно сформировалась философия веры, которая заключает в себе позитивное содержание его этической мысли и одновременно является фундаментом критики рациональности.

Шестов является ярким представителем экзистенциализма: ряд его идей и способов философствования предшествовали по времени открытиям немецкой и французской мысли. Тем не менее, наибольшего расцвета экзистенциальная философия достигла на Западе. Что касается российской философии, в особенности – этики, в том виде, в каком она развивалась в советские и постсоветские годы, то здесь очевидным образом можно говорить о дефиците экзистенциалистских идей в их этической заостренности. Исторический опыт развития российского общества экзистенциально насыщен и во многом трагичен, однако, он все еще не имеет адекватного теоретического выражения. Отечественная философия в целом осталась равнодушной и по отношению к всемирной трагедии, поставившей

под вопрос основания европейского рационализма – трагедии, самым зловещим выражением и одновременно символом которой стал Аушвиц. Обращение к теоретическому багажу русского экзистенциализма, в частности, к этической проблематике философии Шестова, приобретает в этой связи важный теоретический и общественный смысл.

Между идеями Шестова и ряда современных европейских мыслителей, потрясенных трагедиями двадцатого века и осознавших необходимость переосмысления самих оснований мышления и познания, существует близость. Согласно З. Бауману¹, разум и идеалы рациональности способствовали не только возникновению самой идеи и осуществлению Холокоста, но и соучастию в нем множества людей, социальных институтов, явлений культуры, самих его жертв, доверившихся разуму и логике «меньшего зла». Критика З. Бауманом рациональности, как и ее критика Шестовым, ведется с моральных позиций: разум критикуется за соучастие во зле. Внутренняя связь обнаруживается и между одной из центральных идей Шестова о делании бывшего зла не бывшим и рассуждением Х. Арндт о таких деяниях, про которые можно сказать только то, что они никогда не должны были случиться².

Н.В. Мотрошилова считает, что основное предостережение философии Шестова потомкам состоит в том, что разум и наука, а также сросшаяся с ними и достигшая невиданной мощи техника, без постоянной проверки судом совести могут стать огромным злом³. Но Шестов последователен в своей критике традиционного понимания разума и морали: для него и совесть не способна справиться с радикальным злом. Взамен нее Шестов предлагает веру или свободу к добру, которая способна окончательно уничтожить зло. Двадцатый век актуализировал Шестова: его идейное наследие значимо для человека, живущего в эпоху «после» трагедий прошедшего века и нисколько

¹Бауман З. Актуальность холокоста. М., 2013.

²См.: Арндт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. С. 158.

³См.: Мотрошилова Н.В. Парабола жизненной судьбы Льва Шестова. М., 2006. С. 390.

не застрахованного не только от забвения и искажения случившегося, но и от его повторения.

Стоит выделить ряд теоретических проблем, для понимания которых идеи Шестова имеют особое значение: это проблемы свободы, соотношения онтологии и этики, практического и теоретического разума, этики и гносеологии в философской мысли. Этическая проблематика философии Шестова – в частности, идея веры-свободы, которая не принимает случившееся в мире зло, отрицает принудительность факта, истины, нормы, и, тем самым, утверждает свободу человека, его личную ответственность за все происходящее в мире – является фундаментальной для осмысления проблемы морального субъекта как в философских, так и в социально-прикладных аспектах.

Если критика, неприятие Шестовым рационализма очевидна, то намного сложнее понять позитивное содержание его философии, обозначить контуры той идейной проблематики, на которой основывается эта критика. Как замечает Н.А. Бердяев, несмотря на кажущуюся простоту, мысль Шестова с положительной стороны сложна для понимания: легче понять против чего он борется, нежели то позитивное «за» в его мысли, которое ему не удавалось адекватно выразить⁴. Диссертационное исследование посвящено, в первую очередь, выявлению и анализу позитивного содержания этико-философской мысли Шестова.

Степень научной разработанности темы. Этическая проблематика философии Шестова является предметом рассмотрения в трудах ряда отечественных исследователей. В.В. Зеньковский пишет о мистической этике Шестова, которая всецело определяется личным отношением к Богу и выступает как антитеза этическому рационализму⁵. Эта трактовка в какой-то мере соответствует истолкованию этической проблематики философии Шестова в рамках изучения истории этического иррационализма в России

⁴См.: Бердяев Н.А. Древо жизни и древо познания // Путь. 1929. №18. С. 89.

⁵См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов, 1999. С. 377-378.

одним из советских исследователей – В.П. Шкориновым⁶. В советское время среди авторов, обращавших внимание на этическую проблематику философии Шестова, стоит выделить работы В.Ф. Асмуса, который исследовал мысль Шестова в сопоставлении с религиозным экзистенциализмом С. Кьеркегора. В.Ф. Асмус отмечает, что для шестовской критики разума гносеологический и этический аспекты рационализма составляют единство: если на уровне гносеологии рациональная философия отождествила свободу с познанием необходимых законов развития мира, то на уровне этики она отождествила признание необходимости и покорность ей с «добродетелью»⁷.

Нельзя утверждать, что философия Шестова основательно повлияла на советскую и современную российскую этику (также как и вся экзистенциалистская традиция), но можно с уверенностью сказать, что она повлияла, например, на творчество А.А. Гусейнова, который критикует классическую новоевропейскую этику за слепую преданность гносеологии, во всем полагающейся исключительно на авторитет разума⁸. Это дает дополнительные основания избрать ряд этических идей А.А. Гусейнова в качестве опорных для интерпретации и реконструкции этики Шестова.

Современный исследователь творчества мыслителя Н.В. Мотрошилова, отмечая родство этической мысли Шестова и других представителей экзистенциализма, однако считает, что ближе всего к нравственной борьбе Шестова стоят не европейские философы-экзистенциалисты, а русские писатели, в частности Ф.М. Достоевский⁹. Кроме того, и это важно для данного исследования – Н.В. Мотрошилова, обращая внимание на однодумство мыслителя, не сводит его философию исключительно к негативной стороне – к критике рационализма, как это склонен делать, к

⁶См.: Шкоринов В.П. Этический иррационализм в России. Ростов, 1973. С. 311.

⁷См.: Асмус В.Ф. Экзистенциальная философия: ее замыслы и результаты (Лев Шестов как ее адепт и критик). М., 1978. С. 225.

⁸См.: Гусейнов А. А., Иррилиц Г.Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 589.

⁹См.: Мотрошилова Н.В. Парабола жизненной судьбы Льва Шестова. М., 2006. С. 390.

примеру, С.Н. Булгаков¹⁰, но видит в ней и ценное позитивное содержание: утверждение свободы и индивидуальности, противостоящих любым видам необходимости и принудительности.

Анализируя первый этап творчества философа (до 1911 г.), И.И. Евлампиев выделяет два знаковых понятия этого периода: «мораль трагедии» и «мораль обыденности». В морали обыденности единичный человек приносится в жертву абстрактным принципам. Это мораль приспособления, подчинения общему. Мораль трагедии, напротив, присуща человеку, который живет в неизвестности, отказываясь от любой опоры на абсолютные принципы и отвлеченные идеалы. Мораль обыденности и мораль трагедии противостоят друг другу так же, как умозрительная философия и экзистенциальная. Подводя итог первому периоду творчества Шестова, И.И. Евлампиев характеризует его как борьбу с традиционной метафизикой и этикой за «новую этику и метафизику»¹¹, которые, однако, мыслителю создать так и не удалось. Согласно И.И. Евлампиеву, концепция религиозной веры второго периода творчества мыслителя не является продуктивной, а сам Шестов впадает в тот проповеднический пафос, который он не принимал у Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и Ф. Ницше. Можно согласиться с исследователем в том, что у Шестова заметен пафос проповедника в некоторых поздних работах, но никак нельзя согласиться с тем, что концепция религиозной веры Шестова, разработанная им именно во второй период, не является продуктивной и теоретически содержательной: это призвано доказать данное исследование.

В.Н. Назаров в «Истории русской этики»¹² определяет мысль Шестова как «экзистенциальную этику веры»: критика мыслителем сферы этического является обоснованием морали на «почве “философской беспочвенности”»

¹⁰См.: Булгаков С.Н. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова. М., 1993. С. 535.

¹¹См.: Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. СПб., 2000. С. 285.

¹²Назаров В.Н. История русской этики. М., 2006. С. 146-148.

или «философии веры»». Исследователь выделяет важную проблему, поставленную этикой Шестова: проблему подмены в рамках истории европейской мысли иррациональной «жизни» рациональным «добром». В религиозно-философских трудах Л.Н. Толстого и в античной «этике атараксии» Шестов находит примеры «этической рационализации бытия», которой и противостоит этика веры. В борьбе с такой рационализацией, которая оправдывает зло и страдание, Шестов создал этику, в основе которой лежит вера или «свобода к добру». В.Н. Назаров отмечает, что для Шестова понятия «разум» и «этика» являются синонимами, так что вполне можно вести речь о критике им «этического разума». Краткая характеристика В.Н. Назаровым этики Шестова является достаточно точной и в большой степени совпадает с позицией автора исследования.

Из направлений современных российских исследований о Шестове, непосредственно затрагивающих этическую проблематику его философии, особо следует отметить гуманистическое. Рассмотрение его философии через призму гуманизма осуществляется в работах В.А. Кувакина, А.А. Кудишиной. Из последних исследований стоит выделить интерпретацию творчества философа В.В. Лашовым. Его позиция состоит в том, что в философии Шестова нам дан пример не просто гуманизма, а радикального гуманизма, который ставит человеческую личность неизмеримо выше любого абстрактного понятия или моральной нормы¹³. В.В. Лашов отмечает нравственный характер борьбы Шестова с абсолютными ценностями, имеющими форму мировоззренческого насилия над человеком.

В.Л. Курабцев также выделяет гуманистическую тенденцию философии Шестова, сопоставляя его гуманизм с философией общего дела Н.Ф. Федорова. В книге¹⁴, посвященной жизни и творчеству мыслителя,

¹³См.: *Лашов В.В.* Гуманизм Льва Шестова. М., 2002. С. 18.

¹⁴*Курабцев В.Л.* Миры свободы и чудес Льва Шестова: жизнь мыслителя, «странствование по душам», философия. М., 2005.

В.Л. Курабцев указывает на двойственность этических идей Шестова. С одной стороны, его философии свойственна «этическая беспочвенность», имморализм. Этические воззрения Шестова релятивистичны: каждый человек является особенной мерой добра и зла. С другой стороны, глубокая человечность являлась важнейшим источником его мысли, а сам Шестов, судя по многочисленным воспоминаниям знавших его людей, был добрым и отзывчивым человеком.

Следует отметить, что гуманистическая интерпретация творчества Шестова лишь частично исследует его этическую проблематику, которая не очерчивается пределами гуманизма.

При наличии российских публикаций, в которых затрагивается этическая проблематика философии Шестова, к сожалению, отсутствуют специальные исследования, посвященные этике мыслителя.

Среди зарубежных исследований, посвященных непосредственно этической проблематике философии Шестова, можно отметить работу¹⁵ М. Губергена в соавторстве с Д. Саттоном, в которой авторы пытаются понять причины шестовского неприятия нормативной этики и, сравнивая его с Сократом, выявляют заложенный в его текстах, так же как и в произведениях Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского, вызов общественной морали. Однако исследователи не уделяют должного внимания позитивному содержанию этической проблематики Шестова, то есть оставляют за скобками философский анализ того, в чем состоит основание шестовской критики нормативной этики и общественной морали.

Г. Клайн выдвигает предположение, что, в отличие от кантианцев, которые различают дескриптивные законы или законы природы и прескриптивные законы или моральные нормы, критика Шестова направлена против самой «сердцевины» закона, против универсальной законности или обязательности, оба вида которой (природная и моральная) являются для него

¹⁵See: *Goubergen M., Sutton J.* Concerning Lev Shestov's Conception of Ethics // *Studies in East European Thought.* 1996. Vol. 48. № 2/4. P. 223-229.

формами несвободы и принудительности¹⁶. Это наблюдение Г. Клайна представляется важным для понимания одного из главных смыслов критикуемой Шестовым морали.

Выдающийся польский поэт Ч. Милош отмечает этический характер борьбы Шестова против любого принудительного порядка и присущую мысли философа ценностную оппозицию свободного человеческого «Я» и мировой необходимости¹⁷ (в чем с Ч. Милошем нельзя не согласиться). Ч. Милош, вслед за А. Камю, полагает, что мысль Шестова – это мысль бунтаря, нравственного сопротивленца, который противопоставляет свою веру в Абсурд открываемым разумом необходимым законам мироздания.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является реконструкция теоретического содержания этической проблематики философии Шестова.

Достижение указанной цели потребовало решения следующих *задач*:

1. Реконструировать основные аспекты понятия этического (морали), выступающие предметом критики философа.
2. Выявить смысл парадокса морального нигилизма и показать, что радикальная критика морали Шестовым является примером этого парадокса.
3. Выявить специфику постулирования сверхэтического в мысли Шестова.
4. На основе сравнительного анализа того, как в философии Шестова и Ф. Ницше разрешается проблема неотменимости прошедшего, реконструировать основное позитивное содержание этики Шестова.
5. Рассмотреть формирование этики веры Шестова в критическом противостоянии этике «стоицизма», что предполагает реконструкцию особого содержания этого понятия в его текстах.

¹⁶См.: Kline G.L. Skepticism and faith in Shestov's early critique of rationalism // Study of Eastern European Thought. 2011. № 63. P. 21.

¹⁷См.: Czeslaw M. Shestov, or the Purity of Despair// Emperor of the Earth: modes of eccentric thinking. University of California Press. Berkeley. 1977. P. 99-119.

6. Исследовать развитие идеи веры в философии Шестова и выделить ее основные смыслы.

7. Посредством анализа трех образов верующего в философии Шестова реконструировать три стадии этики веры.

Теоретико-методологические основания исследования. Общая гипотеза исследования состоит в следующем: основное теоретическое содержание этики Шестова заключается не столько в критике морали, сколько в том, на чем основывается эта критика, – в этике веры, сформировавшейся во второй половине творческого пути мыслителя.

Теоретической предпосылкой исследования являются сформулированные А.А. Гусейновым идеи сверхэтического уровня этики и парадокса морального нигилизма¹⁸. Обе эти идеи позволяют обосновать гипотезу о двух уровнях этической мысли Шестова: этическом, на котором философ подвергает фундаментальной критике традиционное понятие морали, и сверхэтическом, являющемся основанием этой критики и, по существу, переосмыслением понятия морали и философских основ этики. В диссертации применяется сравнительно-исторический анализ идей Шестова и философских идей тех мыслителей, с кем он находится в постоянном диалоге (Ф. Ницше, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский). Обращение к философии Ф. Ницше в первой и второй главе, сопоставление концепций веры Шестова и Л.Н. Толстого в третьей, также как и выбор тематики четвертой главы, связанной во многом с идеями Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, обусловлены очевидным влиянием на мысль Шестова этих писателей и мыслителей. Ф. Ницше, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский вдохновляли Шестова с начала и до конца его творческого пути (например, в отличие от М. Лютера или С. Кьеркегора), они изначально создали и поддерживали напряженное «духовное поле»¹⁹ его мысли. Обращение к их

¹⁸См.: Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вопросы философии, 2014. № 5. С. 16-26; Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М., 2009. С. 36-37.

¹⁹Ахутин А. В. Одиноким мыслитель // Шестов Л. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 5-6.

идеям в каждой главе позволяет реконструировать этическую проблематику философии Шестова в наиболее полном виде.

Представленное в диссертации сравнительное исследование этических концепций Шестова и Ф. Ницше, так же как и концепций веры Шестова и Л.Н. Толстого, включает интерпретации основных идей этих мыслителей Х. Арендт, Ж. Делезом, В.В. Бибихиным, А.А. Гусейновым, А.В. Ахутиным, В.П. Визгиным, М.Л. Гельфонд и др. Для реконструкции основного содержания этической проблематики Шестова, привлекаются все главные тексты философа, а также авторов, писавших о нем: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, А.В. Ахутина, Н.К. Бонецкой, И.И. Евлампиева, В.Л. Курабцева, Н.В. Мотрошиловой, Д.В. Сухушина, С.А. Полякова, В.В. Лашова, В.А. Кувакина, А.М. Хохлова, Я.И. Ширманова, К.В. Ворожихиной, Б. Фондана, А. Камю, Ж.Делеза, Г. Клайна, А. Оппо и др.

Научная новизна. Можно выделить следующие пункты научной новизны работы:

1. Данная работа является первым специализированным исследованием на русском языке, посвященным реконструкции этики Шестова.

2. Использован новый подход к идеям философии Шестова: содержание этической проблематики философии Шестова выявляется в рамках целостного рассмотрения его мысли как этики, имеющей два взаимосвязанных уровня: этический, соответствующий критике морали и разума, и сверхэтический, соответствующий постулированию различных смыслов веры.

3. Выявлены и проанализированы четыре негативных смысла морали (этического), *критикуемой* Шестовым: автономное добро; моральный закон; моральная оценка; «добродетель» покорности.

4. Впервые реконструировано и проанализировано позитивное содержание этической проблематики Шестова – этика веры. В исследовании реконструируются три главных смысла идеи веры: *всемогущая творческая воля*, осуществленная *свобода*; *человеческое усилие*; спонтанное *мышление*.

При этом показывается, что главное теоретическое ядро этики веры заключается в идее веры-*свободы*, которая полностью искореняет зло из мира, утверждая бытие добра.

5. Был выявлен своеобразный смысл критикуемой Шестовом «этики стоицизма». Показано, что «стоическая» добродетель покорности судьбе противостоит, по мысли Шестова, добродетели дерзновения, несогласия с судьбой.

6. Впервые предложена интерпретация этики веры как развертывающейся в трех стадиях, соответствующих трем образам верующего в философии Шестова: бунте против необходимости – подпольный человек; апогее бунта против необходимости или религиозном бунте – Иов; свободе, творческой воле, преодолевающей необходимость – Авраам.

Теоретические положения, выносимые на защиту:

1. В работах Шестова можно выделить четыре негативных, то есть критикуемых смысла этического: автономное добро; моральный закон; моральная оценка (похвала и осуждение «добра»); «добродетель» покорности.

2. Парадокс морального нигилизма состоит в том, что любое теоретическое отрицание морали, с необходимостью исходит из мыслимых «более моральными» оснований, тем самым, заново обосновывая мораль. Из парадокса морального нигилизма следует двухуровневая структура этической мысли Шестова. В моральном нигилизме Шестова этика веры, как основание критики этического разума, постулирует подлинно моральное бытие.

3. Путь преодоления этического в философии Шестова отличается от пути Сократа, С. Кьеркегора и Ф. Ницше радикализмом отрицания морали, который, однако, не выходит за пределы ценностной оппозиции должного и недолжного: веры и разума, борьбы с необходимостью и ее принятия. Шестов задает сверхэтическое, или веру, посредством отрицания разума и этического (в четырех выявленных смыслах).

4. Позитивное содержание этической мысли Шестова можно обозначить как «этику веры», которая имеет целью отмену прошлого зла и не принимает власть факта над волей человека. Отмена прошлого зла возможна для воли верующего, которая совпадает с всемогущей волей Творца мира. Для Шестова великодушное принятие прошлого Ф. Ницше есть следствие греха бессильной воли.

5. Согласно Шестову, стоицизм есть скрытая основа любой рациональной философии, а стоическая этика «автономного добра» возникает как рационализация реального бессилия воли преодолеть необходимость случившегося. Отличие мысли Шестова от стоической философии в целом состоит в том, что он видит добро и зло во внешнем мире, в независимых от воли человека обстоятельствах, событиях и отвергает любую возможность примирения со случившимся злом. «Стоическая» добродетель покорности судьбе противостоит в мысли Шестова добродетели дерзновения, несогласия с судьбой.

6. В философии Шестова можно выделить три основных смысла веры: *всемогущая творческая воля, осуществленная свобода; человеческое усилие; спонтанное мышление.*

7. Вера-свобода и вера-усилие включают в себя нравственное измерение: сверхэтическую перспективу бытия добра и экстатически-личностную решимость соответственно. В идее веры-свободы переосмысливаются границы нравственной свободы человека: она является триумфом справедливости, божественного добра над скованным принуждающими истинами миром. Подобно Богу, верующий мыслится творцом новых миров, в которых уже нет зла. Нравственное измерение веры-усилия не является пространством разумной деятельности, определяемой идеальными принципами, а сферой спонтанного начинания, не выводимого из нормы.

8. В идее веры-свободы, преодолевающей обусловленность личности истинами рационального познания и историческими фактами, а также в отказе от возможности обосновать решение человека, в осмыслении

онтологической изначальности уникальной индивидуальности проявляется антигносеологическая²⁰ направленность этики Шестова.

9. Вера-мышление имеет следующие особенности: выражает живую, «сверхразумную» действительность; является спонтанным (ничем не обусловленным) «творчеством из ничего»; истины веры-мышления невыразимы в рациональном дискурсе; вера-мышление есть опыт близости ничто, мышления в «бездне».

10. Образ «человека из подполья» Ф.М. Достоевского соответствует бунту против необходимости или первой стадии этики веры. *Иов* воплощает собой следующую стадию этики веры, на которой бунт против необходимости доходит до защиты собственных прав перед Богом. Это религиозный бунт, который открывает второе измерение мышления – веру как отчаянный зов к Богу (вера-усилие). Образ *Авраама* олицетворяет высшую стадию этики веры, когда дерзновение и вера-взывание переходят в могущество *творческой воли* (вера-свобода), преодолевающей необходимость любого рода. Образ *Авраама* соответствует идее веры как творческой свободы к добру, являющейся центром позитивного содержания этики веры Шестова.

11. Сверхэтический уровень мысли Шестова соединяет в себе этику и онтологию: верующий, как и Бог, творит сущее, являющееся добром, и уничтожает зло, соответствующее небытию.

Теоретическая и практическая значимость работы. Данное исследование может помочь заполнить существующие пробелы в изучении творчества Шестова и дать повод к новым дискуссиям. Результаты работы могут быть использованы при дальнейшем исследовании идей Шестова, но они имеют значение и для развития современной этической теории, при обращении к наиболее фундаментальным ее проблемам – пониманию сущности морали и этического, реализации философского статуса этики. Выводы и положения исследования могут быть использованы при чтении

²⁰Речь идет о критике ведущей традиции европейской этики, идущей от Сократа, которая выводит этику из гносеологии, об утверждении приоритета практического разума перед теоретическим.

общего и специальных курсов этики, в курсах по истории русской и зарубежной философии.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования отражены в четырех статьях, опубликованных в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК, в статье, вошедшей в том, посвященный Шестову, а также в докладах на международных конференциях и обсуждениях промежуточных итогов работы над диссертацией и всей диссертации на заседаниях сектора этики ИФРАН. В результате последнего обсуждения 16 июня 2016 года диссертация была рекомендована к защите.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. Объем диссертации составляет 195 страниц. Библиография включает 140 источников.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, описывается степень её научной разработанности, определяются цели и задачи, методологические основания исследования, формулируются тезисы, выносимые на защиту, характеризуется теоретическая и практическая значимость проделанной работы, ее новизна.

В **первой главе «Два уровня этико-философской мысли Л. Шестова»** реконструируется общая структура этической мысли Шестова, состоящая из двух уровней: этического и сверхэтического. Если на этическом уровне мораль (в четырех выявленных смыслах) выступает предметом критики и преодоления, то на сверхэтическом, где постулируются основания этой критики, утверждается новое понимание морали. В первой главе также рассматриваются особенности перехода мысли Шестова на сверхэтический уровень.

В **первом параграфе «Понятие "этического" в философии Л. Шестова»** на основе обзора основных работ философа выделяются четыре смысла этического (морали), *критикуемого* им: 1) автономное добро (самодостаточность этического, независимость идеального добра от мира и личного Бога); 2) универсальный моральный закон 3) оценка (моральная похвала и осуждение); 4) «добродетель» покорности необходимости, согласия с судьбой.

Во **втором параграфе «Понятие "сверхэтического" и парадокс морального нигилизма»** раскрывается смысл и основные аспекты понятия сверхэтического. Обращение к понятию сверхэтического обусловлено тем, что, как представляется, оно наиболее точно выражает двухуровневую иерархическую структуру мысли Шестова, позитивное содержание которой (второй уровень) вовсе не так очевидно, как ее негативная составляющая (первый уровень), то есть предмет критики философа.

Идея сверхэтического (она исследована в работах А.А. Гусейнова) содержит два важных момента: 1) сверхэтическое есть бытие (осуществление)

морали, «пространство», в котором совпадают сущее и должное, онтология и этика; 2) идея сверхэтического аксиоматична для моральной философии: она является необходимым условием целостности (завершенности) философского знания о морали.

Сверхморальный уровень этики или «идея двух этик» (собственно «этики» и «сверхэтики») в общих чертах прослеживается А.А. Гусейновым как в основных классических этических теориях от античности до Нового времени, так и в неклассической этике Ф. Ницше и К. Маркса²¹.

В параграфе раскрывается тезис о том, что отрицание Шестовым морали (сферы этического) является примером парадокса морального нигилизма. Этот парадокс, связанный с попыткой полного преодоления морали, проявляется наиболее ярко в «неклассической» этике Нового времени. Парадокс морального нигилизма состоит в том, что любое теоретическое отрицание морали с необходимостью исходит из мыслимых «более моральными» оснований, тем самым, заново обосновывая мораль. Из парадокса морального нигилизма следует двухуровневая структура этической мысли Шестова. В случае морального нигилизма Шестова этика веры, как основание его критики разума и этического, утверждает подлинно моральное бытие, в котором уже нет зла. Вера (или главное содержание сверхэтического уровня мысли Шестова) противостоит существующей морали (предмету критики или этического уровня), которая не может справиться со злом и оправдывает сложившийся порядок вещей.

Сверхэтическое (вера) в мысли Шестова не является некоей данностью или простым убеждением, а само «задано» в двух смыслах: с формальной стороны, оно есть основание критики морали, а с содержательной – позитивная цель, во имя которой ведется борьба с разумом и добром этической сферы.

В третьем параграфе «Опыты преодоления "этического"»

²¹См.: Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вопросы философии, 2014. № 5. С. 23.

интерпретируются три опыта преодоления сферы морали и их рецепция в философии Шестова: формула «устранение этического» С. Кьеркегора, «остранение» этического в умном незнании Сократа и «по ту сторону добра и зла» Ф. Ницше.

3.1 *«Устранение этического С. Кьеркегора».* С. Кьеркегор под «устранением этического» понимает парадоксальный акт веры, переход с этической на религиозную стадию существования. Согласно Шестову, С. Кьеркегор не смог окончательно преодолеть этическое, о чем свидетельствует идея иерархичности стадий существования и связанные с этим суждения датского мыслителя о величии Иова, о превосходстве рыцаря веры (Авраама) над трагическим героем (Сократом). Шестов, в контексте спора-диалога с С. Кьеркегором, понимает устранение этического как акт несогласия, борьбы с ним. В борьбе нужно отстранить, преодолеть свою же собственную способность судить и мерить все с точки зрения некоего должного состояния. Не слушаться, сопротивляться голосу «всеобщего», надеяться на абсурд, взывать к Богу. Примером, олицетворяющим бунт против этического, будет Иов, а его окончательным преодолением – Авраам. Тем не менее, сам Шестов, и в этом проявляется вся парадоксальность его критики-отрицания этического, все «судит и меряет», но только с точки зрения веры (как некоего сверхморального, совершенного состояния).

3.2 *«“Остранение” этического в умном незнании Сократа».* Фигура Сократа связывает Шестова не только с С.Кьеркегором, но и с Ф.Ницше. Отношение к Сократу – своего рода пробный камень для всех трех мыслителей, поэтому выбор его философствования в качестве примера преодоления сферы этического не является случайным. Смысл философского дела Сократа интерпретируется Шестовым в том числе в процессе полемики с С.Кьеркегором, потому анализ сократического способа преодоления морали стоит в работе после разбора отстранения этического С. Кьеркегора.

Остранение этического в умном незнании Сократа определяется в исследовании как отрешенность от всех смыслов морали, умное

непонимание, что она такое. Остранить этическое значит поставить любое теоретическое понимание морали под вопрос, увидеть изначальную проблематичность морали, сомнительность любого знания о ней. Шестов закрывает от себя возможность остранения этического в вышеозначенном смысле, так как редуцирует мораль к началу смерти и греха, объясняет происхождение добра и зла как результат грехопадения. Захваченность библейским мифом уводит Шестова от возможности понять Сократа как своего союзника в поисках подлинной морали и Бога.

3.3 «*“По ту сторону добра и зла” Ф. Ницше*». Формулу «по ту сторону добра и зла» Ф. Ницше можно истолковать, как минимум, двумя способами: 1) Как преодоление рабской морали («добра и зла») и утверждение аристократического морального идеала («хорошего и плохого»); 2) Как стоическую «любовь к судьбе», принятие мира как совершенства, согласие со всем существующим. В отличие от Ф. Ницше, Шестов не пытается смотреть на мир как на совершенство, устранив свое «моральное толкование» событий. У Ф. Ницше он заимствует оппозицию «хорошего и плохого», противопоставляя ее «добру и злу». Однако наделяет ее другим содержанием: не аристократическое и низкое, а удачи и неудачи человеческой судьбы. Оппозиция «сотворенное – несотворенное», встречающаяся во многих работах философа, заменяет у него привычное противопоставление добра и зла. Формула «по ту сторону добра и зла» для Шестова в первую очередь значит, что Бог вне морали, не подчиняется идеальному «добру» (что Бог делает, то и есть добро).

После рассмотрения трех опытов преодоления этического в философии близких Шестову мыслителей, делается вывод, что путь преодоления этического Шестова отличается от пути Ф. Ницше и С. Кьеркегора радикализмом отрицания морали, который, однако, не выходит за пределы ценностной оппозиции должного и недолжного: веры и разума, борьбы с необходимостью и ее принятия. Что касается сократического пути «умного незнания», который мог бы вывести за пределы добра и зла, то Шестов

обходит его своим вниманием, увлеченный страстной критикой этического рационализма Сократа.

Во второй главе «Этика веры Л. Шестова» проводится сравнительный анализ сверхэтической перспективы (позитивного содержания этики, являющейся в своем неклассическом варианте, по преимуществу, критикой морали) в философии Л. Шестова и Ф. Ницше. В результате такого анализа выявляются общие контуры этической концепции Шестова, которую можно назвать «этикой веры».

В первом параграфе «Проблема неотменимости прошлого в философии Л. Шестова и Ф. Ницше» на основе сравнительного анализа того, как в философии Шестова и Ф. Ницше разрешается проблема неотменимости прошедшего, реконструируется главный смысл идеи веры Шестова: вера как свободная, творческая воля. В понимании веры как могущества свободной воли Шестов полностью сходится с С. Кьеркегором. Оба мыслителя признают, что вера запредельна сфере этического и разумного и является обетованием безграничных возможностей²².

Разрешая проблему неотменимости однажды случившегося зла (например, убийства близкого человека на войне), Шестов приходит к своеобразной этике веры, которая имеет целью отмену прошлого зла, не принимает власть факта над волей человека. Мысль Шестова является этикой в том простом и сильном смысле, что ее целью является полное искоренение зла из мира. В отличие от умозрительной философии, экзистенциальная не объясняет зло, все те «ужасы жизни», которыми наполнены судьбы людей, а борется с ним. Это борьба идет внутри конкретного человека. Его свобода состоит в том, принимать зло или не принимать. Окончательная отмена прошлого зла возможна для воли верующего, которая совпадает с всемогущей волей Творца мира. Для Шестова принятие прошлого, провозглашаемое Ф. Ницше, как и аристократический пафос его философии,

²²См.: Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия. М., 2000. С. 777.

есть следствие греха бессильной воли.

В результате проведенного сравнительного анализа делается предположение, что веру следует понимать также как «добродетель» дерзновения, противостоящую «добродетели» великодушия Ф. Ницше – именно обоснованию этого тезиса посвящен **второй параграф «"Добродетель" дерзновения Л. Шестова и "добродетель" великодушия Ф. Ницше».**

Для Ф. Ницше бессилие воли преодолеть прошлое разрешается в своего рода «этике великодушия», близкой к стоическому принятию судьбы, видению совершенства всего, что было и есть. Согласно Х. Арендт, Ф. Ницше нашел исход вечного беспокойства воли, ее конфликта с прошлым и всей проблемы нигилизма в отказе от воли, в созерцательной любви к судьбе («amor fati»), сближающей его философию с учением стоиков.

«Добродетели» великодушия Ф. Ницше противостоит «добродетель» дерзновения Шестова. Высшее дерзновение заключается для Шестова в том, чтобы не принимать прошедшее и надеяться на божественный абсурд (отмену прошлого зла). Если отказ от воли у Ф. Ницше тождественен великодушному принятию себя и мира как одного божественного целого, то в случае Шестова мы видим бунт одинокой человеческой воли против своего бессилия, нежелание принимать нечеловеческий, навязанный метафизическим разумом мир и соотнесенные с ним принципы поведения и идеалы.

В **третьем параграфе «Критика Л. Шестовым "этики стоицизма"»** анализируется смысл одного из главных объектов критики Шестова – добродетели покорности необходимости, отождествляемой философом с сущностью стоицизма. Показывается, что именно в противостоянии «этике стоицизма» обретает свое содержание этика веры Шестова.

Так как этика веры отвергает принятие прошедшего, судьбы, то предметом ее критики становится противоположная позиция, которую Шестов называет стоицизмом. Согласно мыслителю, стоицизм есть скрытая

основа любой рациональной философии. Стоическая этика «автономного добра» возникает как рационализация реального бессилия воли преодолеть необходимость случившегося, то есть как следствие грехопадения. Отличие мысли Шестова от стоической философии в целом состоит в том, что он видит добро и зло во внешнем мире, в независимых от воли человека обстоятельствах его бытия, и отвергает любую возможность примирения со случившимся в мире злом.

В третьей главе **«Два смысла веры в философии Шестова: вера-свобода и вера-усилие (сравнительный анализ идеи веры Л. Шестова и Л. Толстого)»** разбираются два первых смысла веры Шестова: «свобода» и «усилие».

Предварительно, посредством реконструкции развития идеи веры в философии Шестова в *первом параграфе «Развитие идеи веры в философии Л. Шестова»* выделяются три основных смысла идеи веры: 1) *всемогущая творческая воля, осуществленная свобода* человека; 2) человеческое «дерзновенное» *усилие* (это характеристика аспекта веры как борьбы, «взывания», поступка); 3) спонтанное *мышление*.

В параграфе на многочисленных примерах из работ Шестова доказывается, что именно в произведениях второго, собственно философского периода, – в частности «На весах Иова», «Умозрение и апокалипсис», «Киргегард и экзистенциальная философия», «Афины и Иерусалим», – сверхэтический уровень его мысли (этика веры) обретает теоретическую законченность и содержательность.

Во *втором параграфе «Вера Л. Шестова и Л. Толстого»* выявляются особенности двух первых смыслов веры (*свободы* и *усилия*) с помощью сравнительного анализа: 1) отношения веры и рационального познания; 2) отношения веры и нравственной практики – в учениях Шестова и Л.Н. Толстого.

Предварительно доказывается, что критика Шестовым религиозно-этического учения Л.Н. Толстого находится в рамках его борьбы с

идолопоклонством (чему посвящен раздел данного параграфа 2.1 «"Бог не есть добро": борьба Л. Шестова с идолопоклонством»). Суть этой борьбы состоит в том, что Шестов отказывается понимать Бога как идею, понятие или идеал, даже если это идеал «добра». Бог для философа не предмет рационального познания, с Ним возможны только личные отношения.

В разделе 2.2 «Соотношение веры и рационального познания в философии Л. Шестова и Л. Толстого» рассматривается взаимосвязь веры и рационального познания в философии Шестова и Л.Н. Толстого. Вера понимается Л.Н. Толстым как непосредственное знание смысла жизни, согласное с рациональным знанием о мире, обосновывающее и дополняющее его. Вера-усилие Шестова, напротив, является отказом от рационального знания, борьбой с ним. Вера-свобода не дополняет знание и не борется с ним, а полностью его превосходит и исключает.

В разделе 2.3 «Вера и нравственность в философии Л. Шестова и Л. Толстого» анализируется отношение веры и нравственной практики в учениях двух мыслителей. Если для Л.Н. Толстого вера не существует помимо ее исполнения, «дел», то вера Шестова (в обоих рассматриваемых смыслах) не нуждается в исполнении на практике. В разделе делается вывод, что вера-свобода и вера-усилие включают в себя нравственное измерение: сверхморальную перспективу бытия добра и экстатически-личностную решимость соответственно. В идее веры-свободы переосмысливаются границы нравственной свободы человека: она является триумфом справедливости и божественного, всемогущего добра над скованными принуждающими истинами миром. Подобно Богу, верующий мыслится творцом новых миров, в которых уже нет зла. Нравственное измерение веры-усилия не является пространством разумной деятельности, определяемой идеальными принципами, а сферой спонтанного начинания, не выводимого из нормы.

В философии Шестова вера (в обоих рассматриваемых смыслах) является реализацией самостного бытия, утверждением уникальной

индивидуальности. Вера как могущество воли приравнивает человеческое «Я» к божественному. Человек становится способным творить новый мир, отменять существующее, что представляется абсолютно невозможным для обычных рассудка и воли. Потому ценность единичной личности для Шестова огромна. Л.Н. Толстой, напротив, отвергает значение личности, борется с ней в самом себе, полагая личность причиной отчуждения людей друг от друга (данной проблеме посвящен раздел 2.4 «*Значение личности в философии Л. Шестова и Л. Толстого*» этого параграфа).

Также в параграфе показывается, что евангельская заповедь непротивления злу силой является истиной и для Шестова, но, в отличие от Л.Н. Толстого, истиной принципиально недоказуемой, «откровенной».

В четвертой главе «**Вера как экзистенциальное мышление. Три образа верующего**» выделяются и анализируются существенные черты третьего смысла веры: веры-мышления, рассматривается мотив пробуждения в философии Шестова, а также, посредством разбора трех образов верующего, реконструируются три взаимосвязанных ступени этики веры.

В первом параграфе «*Основные черты экзистенциального способа мыслить*» показывается, чем экзистенциальный способ мыслить отличается от отвергаемого философом рационального.

Доказывается, что вера-мышление имеет следующие особенности:

1. Выражает живую, «сверхразумную» действительность. Философия веры со всей ее проблематичностью и противоречиями есть продолжение недоступной для рационального познания «живой действительности» человека и мира. Шестов не принимает один из центральных для классической философской традиции принцип тождества бытия и мышления. К сущности жизни принадлежит нечто немислимое, иррациональное, о чем нельзя ни подумать, ни сказать. Жизнь сверхразумна и именно из нее должно исходить новое экзистенциальное мышление.

2. Является спонтанным, ничем не обусловленным «творчеством из ничего». Вера – это мышление как бы «из ниоткуда»: она возвращает

человека к началу творения мира и открывает мир и человеческое существование в нем как необъяснимые, сотворенные Богом дары-возможности. Такое мышление противостоит разуму-рассудку, видящему все в свете необходимости и просчитывающему события наперед. Рациональное познание отвергается философом потому, что закрывает от человека Бога, то есть вечно живую, непостижимую (и значит страшную, неудобную для познающего разума) божественную реальность творчества из ничего. Вера творит, а не объясняет.

3. Истины веры-мышления невыразимы в рациональном дискурсе. Экзистенциальная философия или философия веры не является дискурсивным мышлением: она не есть длящееся во времени размышление о некоем предмете мысли, ведущееся на том или ином языке. Мышление-вера уже и не диалог с самим собой, главным критерием которого в сократической рациональной традиции является непротиворечивость, согласие с собеседником. Второе измерение мышления отменяет «дневную» логику с ее законами противоречия, тождества и достаточного основания. Философия веры – это область «ночи», тьмы разума, ей присуща «ночная» логика сновидения. Отсюда противоречивость мысли Шестова. Н.А. Бердяев видит неразрешимую проблему мышления Шестова в том, что уникальный экзистенциальный опыт его мысли невольно принимает общеобязательную форму, которую он изначально отрицал. Однако противоречивость собственной философии не являлась проблемой для Шестова. Ведь в самом требовании непротиворечивости Шестов видит один из главных законов обыденного мышления, которое не может быть согласовано с откровенной истиной веры.

4. Вера-мышление есть опыт близости ничто, мышления в «бездне». Это мышление совершается в области, где уже нет никаких оснований, где все основания выглядят сомнительно, теряют свою основательность. По сути, речь идет об уникальном (и одновременно универсальном) опыте встречи с ничто: внезапно открывшейся под ногами бездной.

Независимость спонтанного мышления-откровения от воли человека дополняется в философии Шестова самостоятельностью верующего «Я», близкого по смыслу «Я» волящему, а не рациональному.

Во *втором параграфе "Философия пограничных ситуаций"* разбирается важный для этико-философской мысли Шестова мотив пробуждения человека перед лицом смерти, страдания, отчаяния. Пробуждение человека, «конверсия», случающаяся в рассматриваемых Шестовым пограничных ситуациях «откровений смерти», является одной из целей философии веры, что сближает ее с экзистенциализмом и даже античной философией.

Экзистенциальная философия, как ее видит Шестов, является не просто совокупностью идей, относящихся к «экзистенциальному» философскому направлению, а пробуждением, переменой души человека. Обычно эта переменна *случается* с человеком: сам он ее не создает. Он никогда полностью не готов к такому потрясению основ своего мышления и жизни. Новое мышление-пробуждение сравнимо со смертью – настолько радикальным изменением оно является.

Завороженность близкой смертью, которую Шестов выделяет у героев поздних рассказов Л.Н. Толстого, родственна состоянию, которое можно описать термином «амехания», означающим полную отмену всех механизмов мобилизации воли и рассудка, глубокое изумление перед открывшимся сознанием безвыходности ситуации или неразрешимости главных вопросов. Признанием значимости этого состояния для «перемены ума» Шестов близок ряду философов двадцатого века: Х. Арндт, М. Хайдеггеру, М.К. Мамардашвили, В.В. Бибихину. Однако мысль Шестова не удерживается в амехании и совершает «прыжок» к сверхчеловеческой *вересвободе*, которая снимает любые неразрешимые вопросы.

В *третьем параграфе «Три образа верующего – три ступени этики веры Л. Шестова»* рассматривается динамика развития этики веры Шестова. Эта динамика прослеживается на примере анализа трех образов-

индивидуальностей верующего человека.

Пафос этики Шестова – это пафос сопротивления, бунта против принудительности рациональной истины и добра. *Подпольный человек* Ф.М. Достоевского – это во многом лишь чистое отрицание, нигилистический бунт, хотя с той оговоркой, что он не только «против» необходимости любого рода, но и «за» отдельную индивидуальность, которую необходимость подавляет. *Иов* представляет собой следующую стадию этики веры, на которой бунт против необходимости доходит до религиозного бунта: Иов защищает собственные права перед Богом. Бунт Иова открывает второе измерение мышления – веру как отчаянный зов к Богу (вера-усилие). Образ *Авраама* соответствует последней стадии этики веры, когда дерзновение и вера-взывание переходят в могущество *творческой воли* (вера-свобода), для которой не существует неотменимости зла и принудительности истины.

Образы *человека из подполья*, и, отчасти, *Иова* соответствуют проекту философии как ценностного мышления²³, которое утверждает примат индивидуальной воли над интеллектом, и понимает этику как критику-переоценку морали – переоценку, утверждающую ценность частного «Я», индивидуальной воли. Образ *Авраама* соответствует идее веры как творческой свободы к добру, являющейся центром позитивного содержания этики Шестова.

В случае каждого из трех рассмотренных героев речь идет не о познающем субъекте. Все они выражают субъективно-ценностное отношение к миру, индивидуально-волевое, творческое начало. Парадоксальность веры-свободы состоит в том, что только эмпирический, конкретный человек с его характером, страстями, ограниченностью и может стать субъектом веры. Авраам, оставаясь слабым и смертным человеком, в вере становится равен вечно живому Богу. В идее веры как творческой свободы к добру

²³См.: *Визгин В.П.* На пути к другому: от школы подозрения к философии доверия. М., 2004. С. 282.

соединяются эмпирический, конечный субъект и субъект абсолютный, совершенный. Сверхэтическая перспектива субъекта веры и является соединением этики и онтологии (должного и сущего): верующий, как и Бог, творит сущее, являющееся добром, и уничтожает зло, соответствующее небытию. В своем главном аспекте вера есть не что иное, как бытие морали, окончательное торжество добра над злом. Идея всемогущего субъекта веры отрицает идею необходимости. Для Шестова свободы нет в мире, развернутом по необходимым законам. По отношению к так понятому миру, вера является заданной ему перспективой свободы.

Этический смысл шестовского противопоставления откровения и рациональной философии, веры и разума заключается в преодолении личностью необходимости, принудительности, воспроизводимой теорией, моральной нормой, социумом. Субъект веры создает иное пространство, которое отрицает саму идею необходимости, когда даже воля Бога ни к чему не принуждает человеческую индивидуальность, а, наоборот, вступает в союз с ней. Это и есть по существу пространство человеческой свободы, в котором только от человека зависит, в каком мире он будет жить.

В заключении кратко анализируются основные результаты работы и намечаются возможные пути дальнейшего исследования

Список опубликованных работ по теме диссертации

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Бабанов А.В. Творчество Льва Шестова как философская этика // Этическая мысль. Т.15, №2. 2015. С. 39–54;
2. Бабанов А.В. Ницше и Шестов: отказ от воли и апология воли // Философия и культура. № 8 (92). 2015. С. 1224–1238;
3. Бабанов А.В. Вера Л. Шестова и Л.Н. Толстого // Философия и культура, 2015. № 9. (93). С. 1383–1392;
4. Бабанов А.В. Проблема неотменимости прошлого в философии Шестова и Ницше // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 144–148.

Публикации в других научных изданиях:

5. Бабанов А.В. Проблема неотменимости прошлого в философии Шестова и Ницше // Лев Исаакович Шестов. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 147-164.

Тезисы и доклад на конференциях:

6. Бабанов А.В. Сверхморальная перспектива философии Льва Шестова // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Международной научной конференции (Курган, 9-10 апреля 2015 г.) / отв. ред. Б.С. Шалютин. Курган, 2015. С. 10–12;
7. Бабанов А.В. Проблема неотменимости прошлого в философии Шестова и Ницше // Международная научная конференция «Лев Шестов в контексте современности. К 150-летию со дня рождения философа», (Москва, 12-15 сентября 2016 г.).